

**Концепция истории и личности в повести Е. Четвергова
«Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь»)**

С. В. Шеянова

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

А. М. Закирзянов

*Государственное учреждение «Институт языка, литературы и искусства
имени Г. Ибрагимова» Академии наук Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация,
Alfat_zak@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: проблема «человек и история» в современной мордовской прозе требует разноаспектного скрупулёзного изучения, т.к. позволяет не только выявить оригинальные творческие предпочтения и эстетические концепции, но и раскрыть философский смысл триады «прошлое – настоящее – будущее». Актуализированные в статье проблемы вписываются в контекст аналитического поля современного финно-угорского литературоведения. Объектом исследования явилась специфика художественного осмысления истории страны, конструирование взаимоотношений миропорядка и личности в начале 1930-х годов в повести Е. Четвергова «Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь»).

Цель статьи заключается в исследовании индивидуально-авторской концепции истории и человека, форм взаимосвязи реальных действительности и личности, перемежения традиционного крестьянского уклада и социально-политических изменений 1930-х годов, психологического процесса самореализации личности в повести Е. Четвергова «Сладкая полынь».

Материалы исследования: материалом исследования явилась повесть современного эрзянского прозаика Е. Четвергова «Сладкая полынь». В работе использованы как традиционные методы литературоведческого исследования (структурно-описательный, структурно-семантический, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный), так и современные подходы гуманитарного профиля (аксиологический, герменевтический). В статье также прослеживается междисциплинарный подход.

Результаты и научная новизна: в данной статье повесть Е. Четвергова «Сладкая полынь» впервые становится объектом научной рефлексии. В ходе рассуждений по теме исследования авторы приходят к заключению о том, что анализируемое произведение резко контрастирует с канонами социалистического реализма, прозаик отказывается от дифференциации персонажей по социальному признаку, оценивает их психологическое состояние и нравственный потенциал, ратует за возрождение традиционного крестьянского миропорядка.

Ключевые слова: Е. Четвергов, повесть, концепция, история, личность, эпоха коллективизации, рефлексия.

Для цитирования: Шеянова С. В., Закирзянов А. М. Концепция истории и личности в повести Е. Четвергова «Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь») // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 112–123.

**Conception of history and personality in the story by
E. Chetvergov «Sweet Wormwood»**

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

A. M. Zakirzyanov

*Institute of language, literature, and arts named after G. Ibragimov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation,
alfat_zak@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the problem of «a man and history» in modern Mordovian prose requires a multi-aspect scrupulous study, because it allows not only to reveal the original creative preferences and aesthetic concepts, but also to reveal the philosophical meaning of the triad «past – present – future». The problems actualized in the article fit into the context of the analytical field of modern Finno-Ugric literary criticism. The object of the research is the specificity of artistic understanding of history of the state, the construction of the relationship between the world order and a personality in the early 1930s in the story by E. Chetvergov «Sweet Wormwood».

Objective: to research the individual-author's concept of history and a man, forms of interrelation of reality and personality, alternation of traditional peasant way of life and socio-political changes of the 1930s, the psychological process of self-realization of the personality in the story by E. Chetvergov «Sweet Wormwood».

Research materials: the story of the modern Erzya writer E. Chetvergov «Sweet Wormwood». We used both traditional literary research methods (structural-descriptive, structural-semantic, cultural-historical, comparative) and modern approaches of the humanitarian profile (axiological, hermeneutical). The article also contains an interdisciplinary approach.

Results and novelty of the research: in the article the story by E. Chetvergov «Sweet Wormwood» for the first time becomes the object of scientific reflection. In the course of discussions on the research topic, the authors come to the conclusion that the analyzed work contrasts sharply with the canons of socialist realism; the author refuses to differentiate characters according to social characteristics, assesses their psychological state and moral potential, advocates for the revival of the traditional peasant world order.

Key words: E. Chetvergov, story, concept, history, personality, the era of collectivization, reflection.

For citation: Sheyanova S. V., Zakirzyanov A. M. Conception of history and personality in the story by E. Chetvergov «Sweet Wormwood» // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(1): 112–123.

Введение

В настоящее время в мировой литературоведческой науке актуальными и своевременными признаются вопросы диалектики историзма в художественном дискурсе, модификаций эстетической реализации исторической тематики, специфики, форм, векторов отражения взаимодействия истории и человека в отдельных творческих проектах и национально-художественных системах в целом [16; 17; 18; 19; 20 и др.]. Отдельные аспекты актуализированной проблемы находят научную рефлексию в работах мордовских исследователей, предлагающих различные варианты её решения, манифестирующих оригинальные положения, конструирующих интересные литературоведческие концепции. Продуктивной исследовательской стратегией следует считать рассмотрение генезиса, эволюции и функционирования исторической темы в произведениях разных родов и жанров. Так, в монографии Ю. Г. Антонова «Зарождение и пути развития мордовской драматургии» [1] выявлена природа конфликта в исторической драме, описана

специфика репрезентации образа исторического лица в драматургическом дискурсе. В монографии С. В. Шеяновой [15] анализируются имманентные, внутрилитературные, факторы эволюционирования национальной исторической романистики в контексте этических и эстетических реалий действительности. Литературоведы рассматривают пути реализации темы истории в творчестве отдельных писателей, при этом, естественно, обращаются к историко-культурному контексту, что расширяет рамки монографического исследования и подводит к экспликации закономерностей развития национальной словесности в целом [5], исследуют логику художественной трансформации образа исторического лица в соответствии с индивидуально-авторской эстетикой и концептуальностью [3], актуализируют историческую тему в литературе как одну из возможностей сохранения национальной идентичности [2]. Однако проблема «история и человек» в художественном дискурсе требует постоянного мониторинга и описания, является одним из самых острых научных вопросов, решение которого приведёт к констатации серьёзных

теоретико-методологических обобщений и выводов, к манифестации оригинальных положений. Необходимость исследования указанной проблемы вызвана этнокультурными обстоятельствами и духовно-нравственными запросами современной действительности, стремящейся реанимировать историю, культуру этноса, основы и принципы национального миропорядка. Работа имеет практическую значимость – её положения могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин филологического профиля.

Материалы и методы

Материалом исследования послужила повесть Е. Четвергова «Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь») [14], в которой воссоздана историческая судьба эрзянского народа в контексте общероссийской истории, эксплицируется противоречивость событий коллективизации, раскрываются связи человека с трагической эпохой 1930-х годов. Произведение впервые подвергается научной рефлексии и интерпретации, впервые становится объектом литературоведческого анализа и оценки.

В работе использован ряд традиционных методов литературоведческого исследования: структурно-описательный, структурно-семантический, направленные на объективный анализ различных уровней эпического текста – сюжетно-композиционного, проблемно-тематического, персонажной сферы; посредством сравнительно-сопоставительного метода обнаруживаются новаторские характеристики анализируемой повести, её контраст с воссоздающими традиционную тему истории и человека произведениями соцреализма; культурно-исторический метод позволяет трактовать творческий продукт как результат общественной жизни, реалий современности и запросов читательской аудитории. В статье использованы современные подходы гуманитарного профиля (аксиологический, герменевтический), посредством которых актуализируются бинарные вопросы философского содержания о гуманности/жестокости общества и определённой эпохи, различных проявлениях человечности в драматических социально-политических условиях 1930-х годов. Авторы работы опираются на междисциплинарный подход, взаимосвязанное исследование истории и литературного творчества, что способствует объективному восприятию обстоятельств и событий исторического периода и осмыслению специфи-

ки его творческого воплощения в литературном проекте.

Результаты

XX век оказался переломным, насыщенным общественно-политическими событиями, изменившими жизнь, судьбу страны и народа. Именно поэтому ставшие историей события прошлого столетия становятся объектом осмысления не только в исследованиях историков, социологов, политологов, но и литераторов. Историзм в искусстве, в литературе в частности, «предполагает художественное освоение конкретного исторического содержания эпохи, её неповторимого облика и колорита; предметом изображения становятся тенденции общественного развития, раскрывающиеся в общенародных событиях и индивидуальных судьбах персонажей» [6]. Тенденцией последних десятилетий следует считать обусловленную потребностями современной эпохи и читательской аудитории художественную интерпретацию вопросов бытования российской деревни, её исторического опыта, духовно-этических традиций, трагически эмоциональное, психологически мотивированное воссоздание объективированных картин жизни крестьянства разных периодов. Особый интерес вызывает эпоха строительства «новой жизни», социалистического строя, характерными чертами которой были политические репрессии, террор, многочисленные неоправданные человеческие жертвы.

По утверждению историков, в конце 1920 – начале 1930-х годов по всей стране прошла очередная волна раскулачивания. «По решению Политбюро ВКП (б) были приняты чрезвычайные меры выполнения плана хлебозаготовок. Вооружённые отряды, разъехавшиеся по всей стране, производили повальные обыски и реквизиции хлебных излишков. Их владельцев зачисляли в «кулаки», судили, а имущество, скот, инвентарь изымали в пользу государства» [8, 38]. Жёсткие действия власти оправдывались манифестацией того, что «стремительное преобразование России может быть осуществлено только ценой голода и лишений русского народа» [7]. «Сталинская модернизация», «установление социалистического строя» путём террора определили драматизм эпохи 1930-х годов.

Данный исторический отрезок, его национально-политический «оттенок» в мордовском крае составили основу хронотопа повести Е. Четвергова «Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь»).

Данное произведение – объективное доказательство трагедии не отдельного человека или одной семьи, а всего народа, целой страны. На примере судеб своих персонажей писатель раскрывает ужасающие страницы жизни российской деревни начала 1930-х годов, неправомерность политики раскулачивания, бесчеловечность принудительного обобществления скота, запасов зерна, семян. Основной лейтмотив повести: горькая правда о событиях эпохи «великих переломов» эксплицирована ради утверждения исторической правды и торжества справедливости с целью избежания подобных ошибок в настоящем и будущем.

Повесть «Сладкая полынь» – оригинально-новаторское произведение в национальной прозе с точки зрения темы, постановки проблемы, путей её разрешения, ракурса обрисовки персонажей. Однозначно, оно не вписывается в контекст мордовской литературы 1960–1980-х годов, объективно опирающейся на идеологический подход. Следует отметить, что эстетика социалистического реализма с её «концепцией жизни как борьбы, с требованием классовой дифференциации персонажей, с отнесением идеала общественного устройства в будущее, с готовностью к жертве ради этого будущего» [11] достаточно прочно утвердилась в национальной прозе указанного периода и обуславливала развитие сюжета и принципы структурирования персонажной системы в произведениях о периоде революции, Гражданской войны и коллективизации. Национальные авторы однозначно оценивали тот слой крестьянства, который крепко стоял на ногах, имел добротное хозяйство, хороший земельный надел. «Кулаки» воспринимались жестокими «злодеями», изнуряющими своих жертв – деревенских бедняков. Е. Четвергов отказывается от идеологического ракурса воссоздания событий 1930-х годов, контрастного изображения расчлененности крестьянства. Автор отказывается от изображения классовой борьбы в деревне, острого политического противостояния, он стремится осмыслить «мысль народную», реанимировать и защитить субстанциальные начала деревенской жизни – привязанность людей к земле, умение трудиться на ней, заботиться о выращенном, жить достойно с точки зрения общепринятой этики и в материальном достатке. Обозначенные характеристики проблемно-тематического поля повести являются признаком новой деревенской прозы.

Традиционная для литературы 1960 – второй половины 1980-х годов идея социальной перестройки деревни и жизни в целом не является в повести первичной. «Отзвуки» общественно-политических перемен слышны, однако жители села пока не вовлечены в процесс переустройства, они не являются активными преобразователями, не меняется и социальная их роль. Е. Четвергов описывает психологическое состояние крестьян, постоянно находящихся в страхе за свою жизнь, нажитое хозяйство, не знающих, где и у кого искать защиты. Он целенаправленно не изображает активных крестьянских выступлений и протестных реакций с их стороны на насильственные действия власти, что соответствует логике исторического процесса. Историки утверждают, что в конце 1920-х – начале 1930-х годов «государственное насилие ещё не было направлено на коренное изменение всей жизни села. Хлебозаготовительные кампании носили сезонный характер, и потому у большинства сельских жителей сохранялась ещё надежда на то, что рано или поздно их оставят в покое» [9]. Персонажи Е. Четвергова также до последнего верят в справедливость, возможность избежать конфликта и трагедии. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено пассивное поведение (об этом речь ниже) главного героя Виряза в момент ареста сожительницы – мужчина не осознает трагизм и безвыходность ситуации.

Е. Четвергов изображает коллективизацию как противоречивый процесс, сопровождаемый негативными моментами, отразившимися на судьбах крестьян, и, как известно в настоящее время, на судьбе деревни в целом. Резюмированное в «Канунах» В. Белого, «Мужиках и бабах» Б. Можяева, «Касьяне Остудном» И. Акулова «коллективизация – разорение, голод в деревне, «кулаки» – рухнувшая опора крестьянского мира, коллективизаторы – грабители и мародёры» [12] чётко прослеживается в идейной ткани повести «Сладкая полынь».

Справедливо говорить о том, что Е. Четвергов полностью отказывается от характерного для эстетики соцреализма противопоставления персонажей по социальному признаку. Автор актуализирует иной, чем его предшественники, принцип контрастного построения: дифференцирует персонажей не по социально-политическим признакам, а по духовно-нравственному потенциалу, манере ролевого поведения, портретным данным. Антиномия определяется

социально-нравственными характеристиками персонажей.

Повесть невелика по объёму, действующих лиц в ней немного – пожилой мужчина и его сожительница. Справедливо говорить об экстенсивно развивающемся нарративе – основную событийную канву произведения составляют картины взаимоотношений героев, описания их занятий, образа жизни, а также сцены-реминисценции. Писатель отражает этнографический, бытовой план жизни персонажей, определённые черты социального уклада крестьянства. В художественном мире повести воссоздан традиционный для деревенской прозы хронотоп. Действие происходит в доме, подворье, перемещается в поле, редко – на другой конец деревни. Жизненное пространство героев также ограничено домом, деревней. В повести ценно то, что автор отказывается лишь от «внешнего» описания человека с набором его ролей. Важным становится художественное познание психологии человека начала 1930-х годов, динамики его внутреннего состояния, форм и образов миропонимания, духовного потенциала.

Время в повести не становится мировоззренческой доминантой. Для героев – естественных людей – различие между прошлым, настоящим и будущим сглажено. К примеру, для Вирыза прошлое – редкие воспоминания о семье, первой жене, дочерях, прошлое Элювы реанимируется посредством скудных воспоминаний о детстве, строительстве дома, связи с человеком, который помогал ей в этом. Будущее смоделировать они не могут в силу своего возраста. Герои живут сменой природных циклов, сменой сезонов, связанных с тем или иным видом хозяйственной деятельности. Их природное начало сопряжено с посевной, началом и завершением сенокоса, созреванием урожая и его уборкой, выгоном и загоном скота.

Образы Е. Четвергова определены бытийными координатами – землёй, природой, традиционными устоями деревенского уклада. Родовой дом, естественность, простота, труд на земле, благоустройство хозяйства – основные столпы мировоззрения селянина – определили концепцию человека в повести.

По утверждению исследователей, «в произведениях деревенской прозы 1960–1980-х гг. имеется единая концепция человека, которая реализуется в трёх основных типах: естествен-

ный человек, народный праведник, маргинальная личность» [10]. Данная концепция проецирована в повесть Е. Четвергова, однако из неё выпадает образ праведника, что соответствует логике изображаемой эпохи раскулачивания, жёсткие общественно-политические условия которой не позволили развиваться такому типу. Естественный человек – крестьянин – безмолвно занят земледельческим трудом, вносящим в его жизнь определённую гармонию. Несовременности мира, разрушение духовной слитности деревни приводят к разрыву взаимосвязей между людьми, разложению характера, появлению маргинальных личностей.

Главный герой повести Вирыз по своему типу – естественный человек. Он ищет оправдание своему образу жизни, поступкам, словам, однако самоанализ не превращает его ни в правдоискателя, ни в праведника, ни в заступника. Для него важно не познать истину, а жить по правде. В нём можно выделить глубокую житейскую мудрость, веру в доброту, справедливость, неприятие насилия. Вирыз – истинный труженик, землепашец, знающий и любящий землю. Картины полевого труда мужчины поэтизированы автором, наполнены светом, особой «музыкальностью». Эта музыка звучит с первых фраз повести: «Вирыз выпрямил согнутую и уставшую за день спину, не выпуская с рук серп, посмотрел назад – на восток. <...> По периметру участка в пять рядов, словно золотые домики, стоят, радуя глаз, снопы пшеницы. Лето выдалось сырое и тёплое. Небо услужило землепашцу. Со снопов свисали полные колосья. Вирыз, вытирая рукавом пот с лица, не спеша пошёл к меже, где были еда и питье, поднял пустую котомку, перекинул через плечо. С удовольствием оглянулся на скошенный, словно гладко стриженный участок. С уст сорвалось: «Наконец-то!». Мужчина прошёл между участками и вышел к большой дороге...»¹ [14, 6]. Поведение, поступки, даже жесты Вирыза психологически убедительно выявляют в нём труженика, работягу. В создающем благородном труде писатель усматривает основы народной жизни и морали, корни крестьянской психологии. Герои повести не мыслят ни дня своей жизни вне напряжённого трудового ритма. Проживаемые ими дни похожи один на другой, наполнены суматошной работой, ставшей частью их самих.

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – С. Ш.

По натуре Вирыз немногословный, мягкий, добродушный. Данные черты приводят к пассивности его поведения, неспособности проявить определённую жёсткость и принять единственно возможное решение. Кардинальное решение он принял лишь однажды, когда ушёл из семьи, оставил уже не молодую жену. С тех пор он редко общался с дочерьми, не принимал участия в воспитании внуков. Правильное ли это было решение? Однозначно ответить на данный вопрос нельзя. В доме сожительницы Элювы его многое не устраивает: он не чувствует себя хозяином, получает упрёки по любому поводу, ему постоянно напоминают о его месте и роли. Особенно коробило мужчину некогда сказанное в его адрес «урьва» («сноха»). Он сполна испытал горький вкус этого слова, порой чувствуя себя рабом в доме сожительницы. Однако он не мыслит себя без этой женщины, с которой прожил уже семь лет. В этом доме его никто силком не удерживает, однако обратной дороги нет – мужчина смирился со своей ролью.

Порой он испытывает крайнее психологическое напряжение, возникающее от чувства ревности сожительницы к её прошлым связям. В такие минуты на него наваливается тоска, он чувствует душевную боль, теряет покой, импульсивно ищет доказательства измены, получив их, начинает оправдывать её, успокаивать себя. Тревожные раздумья героя окрашиваются в разные тона: трагическая безысходность, светлая печаль, скорбные думы о конечности человеческого бытия. Психологическое состояние персонажа раскрывается посредством сна-предсказания, способствующего, по В. Н. Топорову, «некоторому дополнительному структурированию текста, расширению его как в сторону «искусственного», «метапоэтического», так и в сторону «природного», «космического» [13, 150]. «...С первой женой сидят на берегу реки. Река превращается в море. Поднимается шторм. Ветер с бешенством гонит волны в сторону берега. Волнам не размыть высокие берега, однако купающимся сложно выбраться из воды. Где-то у берега плещется пятилетняя дочь Лияна. Вдруг раздаётся мужской голос: «Тонет, тонет!». Супруги посмотрели в сторону кричащего, который нёс на руках бесчувственную девочку. Вирыз словно окаменел: хотел крикнуть – нет голоса, хотел побежать – не чувствовал ног. «Ведява хотела забрать её!» – донеслось до него сверху» [14, 78]. Обраще-

ние Е. Четвергова к сновидению, условному приёму образности, обусловлено стремлением не только к поэтизации текста, но и познанию человеческой природы, его сознания и сферы бессознательного. Посредством трагического сна автор моделирует будущее героев, проводит параллели между реальностью и зашифрованным подсознательным сообщением.

Глубоко переживая своё «несчастье», разочаровавшись во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, герой тем не менее верит в семейные ценности. Он осознает, что предназначение мужчины – быть защитником и опорой для своих детей, а истинное счастье – видеть, как живут твои дети и растут внуки. Разлука с родными людьми ломает гармонию внутренней жизни мужчины, выводит его из равновесия, изъедает изнутри. Однако сомнения, неудовлетворённость обстоятельствами сглаживаются материальным достатком: мужчина испытывает чувство ответственности за нажитое состояние и необходимость не только сохранить, но и приумножить его. Подобный синтез амбивалентных эмоций, мироощущений свидетельствует о сложности человеческой природы, диалектике внутреннего состояния персонажа.

Пассивность Вирыза проявляется не только в бездействии по отношению к себе, но и окружающим. Когда ночью в дом его сожительницы врываются «советчики», он не решается обороняться, защищать дом, имущество и женщину. Даже арест Элювы, грубость и жестокость «советчиков» по отношению к ней не вызывают у мужчины приступа гнева, не сподвигают его на активные действия и протест. Он смиренно принимает реальность. Могло ли быть иначе? Нет. Он – мирный сеятель, но не воин, он умеет пахать, сеять, вязать снопы, но – не воевать. В характере Вирыза растерянность, неготовность к решительным действиям сочетаются с милосердием и состраданием к ближнему.

Справедливости ради следует сказать, что в ту трагическую минуту он предлагает Элюве сбежать через окно, хватает топор и пытается открыть им окно, однако от волнения роняет его, тем самым будит спящего милиционера. В данном случае топор в руках пожилого мужчины становится символической деталью, «онтологическим порогом», разделяющим жизнь героев на два полюса. После ареста сожительницы Вирыз потерял смысл жизни, желание трудиться, гордость за своё дело. Разорённым

оказался не дом Элювы, а, по существу, целый миропорядок.

Элюва для автора – крестьянка душой и телом. Она «крепкая хозяйка», стремящаяся к сохранению и преумножению своего хозяйства. «Женщина она – не безвольный лист, не сухая солома, своего не упустит, мимо не пройдёт. Умеет держать узду – направить дело туда, куда надо, извлечь выгоду там, где никому не удавалось. Нечего говорить, Элюва – женщина мудрая, трудолюбивая, хваткая...» [14, 11]. Своей трудовой жилкой, активностью, живостью героиня импонирует и читателю. Однако в определённых её действиях, поведении, манере общения прослеживается нивелирование духовно-этических основ и принципов. Очевидно, что в погоне за материальными благами Элюва забывает про традиционные понятия «рода», преемственности поколений, неразрывности человеческой семьи. Из авторских ремарок становится известно, что у неё есть взрослый сын, который живёт в городе, занимает высокий пост, очень редко приезжает к матери. Женщину не беспокоит такое поведение сына, она глубоко уверена в том, что должность и материальная поддержка с её стороны сделают его счастливым. Духовная связь между матерью и сыном утрачена, их взаимоотношения оказались под грузом бытового хаоса.

Целеустремленная по натуре, имевшая крепкое хозяйство и управляющая им по-мужски, Элюва оказалась не способна защитить себя, дом, не властна над своей судьбой. Её судьбу решили не люди, а суровая эпоха и её проявления – коллективизация, раскулачивание. Причины трагедии Элювы кроются не в её «кулацкой психологии», а в несколько иной, нравственной, плоскости. Она воплощает в себе свойственные зажиточному слою крестьянства индивидуалистические настроения, что проявляется, в частности, в стремлении выгодно продать зерно, любой ценой убрать урожай без потерь: «Ранее утро. Виряз и Элюва уже на ногах. У них большая забота – свезти с поля сжатые снопы пшеницы, расставить их в сухом сарае. Если пойдут дожди, потеряешь половину урожая...» [14, 10]. Данное желание вполне естественно и психологически мотивированно – крестьянин должен видеть результаты своего труда, а труд должен быть вознаграждён. Однако, оторвавшаяся крестьянство от земли политика 1930-х годов была управляема иными аксиологическими ориентирами и нравственными нормами.

Элюва – труженица, которая не щадит ни себя, ни других. «Она не знает слова «завтра». Что можно сделать сегодня, должно быть сделано. Порой она с ног валится от усталости, но доводит начатое до конца» [14, 96]. После трудового дня она испытывает чувство наслаждения от изнурения, осознания завершения запланированного дела. Хозяйство для женщины – не столько материальная ценность, сколько часть души, продолжение её самой. Забота о домашних животных становится её основным занятием: «Не успеешь накормить одних, другие уже глотку раздирают, просят есть – коровы, овцы, свиньи... Всех надо накормить. Только успевай, маленькая Элюва, исполнять их желания. И она успевает: летом – от зари до зари, зимой – до полуночи. Крутится словно веретено. От этого, видно, стала похожа на бабочку – невысокого росточка, худенькая, узкоплечая. В мужской одежде походила бы на мальчика...» [14, 11]. Неестественным в сознании женщины воспринимается в одночасье разрушенный привычный для неё ход жизни – необходимость рано вставать и идти доить корову, кормить скотину, торопиться на участок. «Она и предположить не могла, что спустя несколько месяцев от её добротного, ухоженного, собранного с душой хозяйства останутся лишь опустевший хлев, четыре-пять овец и несколько кур» [14, 100]. Автор убедительно точно передаёт психологическое состояние женщины: «Элюва не находила себе места. Несколько раз заходила в хлев, открывала двери сарая, уходила на огород и снова возвращалась, не понимая, с какой целью. Ей казалось, что она словно что-то потеряла. В зимний сарай она боялась даже заглянуть, оттуда всегда доносились такие знакомые звуки жвачки коров. Теперь там – тишина. «Жизнь, а жизнь! Почему ты так жестоко, без нашего спроса, разрушаешь свой вековой уклад?! Почему столько зла и боли рассеиваешь по земле?! <...> Ой, родимая матушка, почему не в своё время родила меня, с душой воспитала, от бед оберегала?!» – причитала Элюва» [14, 108–109]. Переданный в форме риторических вопросов элемент причитания усугубляет трагизм ситуации и безвыходное положение женщины.

Автор восстанавливает ключевые эпизоды жизни Элювы с целью выявления духовных координат, этических принципов, жизненной концепции женщины. Читатель узнает, что её первого мужа Истляя забрали на фронт Первой мировой войны, участвовал он и

«в противостоянии белых и красных», о чём сообщал в редких письмах. Через год он пропал без вести, Элюва осталась «соломенной» вдовой с малолетним сыном на руках. Когда умерла слепая свекровь, женщина осталась совсем одна. «Она была ещё молода, сильна. Какие только дела не приходилось совершать ей в период проклятых войн, как только не ломала она свою силу, тело и красоту. Но у жизни свои законы и правила, что прикажет – то и исполнишь...» [14, 51]. Универсальный мотив вдовства в повести создаёт определённый экзистенциальный тон повествования, аккумулирует онтологические вопросы бытия, способствует моделированию взаимоотношений героини с окружающим миром. Естественно, раннее вдовство отразилось на характере Элювы, перенявшей модель поведения мужчины-хозяина, оно материализует трагическое мироощущение оказавшейся в кризисной ситуации женщины.

Прошлое Элювы реконструируется посредством не только авторских ремарок, но и ретроспективных монологов самой героини. Она вспоминает своё детство, родительский дом, «построенный отцом», «с пятью окнами, покрытый соломой», «с сердцем, вырезанным на стропилах», а «крыльцо и ворота были взяты под маленькую крышу из тёса». Однако чаще женщина вспоминает о строительстве своего дома. «Чипаз-Верепаз! Ничем не измерить, сколько сил, пота, мудрости я вложила в него! Сколько бессонных ночей провела, сколько беспокойства и переживаний испытала! Что скрывать, до стыда доходила! Чтоб добиться помощи и поддержки со стороны Паксютыча, пришлось с ним ночи проводить, лаской его благодарить...» [14, 108]. Поиски женского счастья, стремление самоутвердиться не были безобидными. Действительно, женщина порой оступалась, перешагивала через народные нормы морали, однако, чаще всего она причиняла боль самой себе, а не окружающим.

Е. Четвергов изображает типичную для того времени ситуацию: несколько активистов-советчиков ночью ворвались к беззащитной пожилой женщине, объявили её кулачкой, пользующейся трудом батрака (таковым назвали её сожителя), владеющей крепким хозяйством, имеющей излишки продуктов. Никаких документов, постановлений они не предъявили, при этом кричали на хозяйку, подгоняли её, наставляли на неё пистолет. В призыве ворвавшихся ночью в её дом советчиков отдать нажитое она увидела неспра-

ведливость. Сквозь чувство страха в ней говорит обида: «Отдать всё и остаться без всего?». Ей было приказано быстро собраться, взять самое необходимое. Её затолкали на подводу и увезли в неизвестном направлении. Финал повести остаётся открытым. На наш взгляд, автор целенаправленно завершает повествование таким образом, т.к. дальнейшая судьба Элювы читателю уже известна – она повторила судьбу многих объявленных «кулаками», безвинно осуждённых и сосланных в Сибирь.

То, что создателями русской деревенской прозы обозначалось «раскрестьяниванием русского человека, переходом ...крестьянских потомков в деклассированное состояние» [4, 45], началось, по мысли Е. Четвергова, ещё в 1930-е годы. Так, прозаик изображает маргинальный тип личности, деградировавшей, отклонившейся от норм народной морали и традиционного крестьянского мира, оторвавшейся от своего рода, не имеющей потомства и обречённой на гибель.

Поведение ряда персонажей повести (работа за еду и спиртное, употребление большого количества самогона, постоянно испытываемое ими желание опохмелиться, разрушение отчего дома) вызывает чувство их неприятия. Образ жизни Юртая Ураева, Олды Шоряевой является воплощением духовной их деградации, утраты нравственных и культурных ценностей, невозможностью самореализации. Автор бескомпромиссен к своим персонажам. Между Элювой, Виразом и их духовными антиподами (Юртай, Олда) целая пропасть, не только в поведении и моральных принципах, но и восприятии земледельческой работы. Если первые испытывают от труда чувство огромного удовлетворения и умиления, то вторые оценивают работу объёмом спиртного.

Противопоставление Элювы и Юртая Ураева достигается посредством воссоздания не только их образа жизни и мысли, но и описания бытового плана – дома. Если у Элювы он «из красного кирпича и двух комнат. Таких в деревне всего два. Покрыт досками – каких мало, считай, всё село живёт под соломенными крышами. Прохожие часто оглядываются на него, поражаются: «Всем домам – дом!» [14, 11], то «большой, некогда добротный» дом Ураевых «вызывает отвращение запахом гнили, грязными ободранными стенами, усыпанными мухами» [14, 12]. После смерти родителей Юртая дом осиротел. Они и предположить не могли, что их единственный

и любимый сын приведёт с таким трудом построенный дом в плачевное состояние, потеряет человеческий облик. Отказ сохранить очаг отчего дома свидетельствует о духовной деградации и нравственной опустошённости данного персонажа. Деревенский миробраз описан в повести в традиционном контексте: особое духовное пространство, природная обитель, единство героев с землёй, особое восприятие животного мира, аксиологическое значение дома как нравственно-духовной основы человека.

Обсуждение и заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в процессе моделирования взаимоотношений героев и исторической эпохи Е. Четвергов отказывается от канонов социалистического реализма, предлагающего восприятие персонажей в фокусе «богач – бедняк», находит новые аспекты раскрытия проблемы «человек и история», оценивает причины расколотости деревни 1930-х годов и начавшийся процесс коллективизации с современных акси-

ологических позиций. Творческой стратегией автора является анализ духовно-нравственных основ миропорядка крестьянства в трагических социально-политических обстоятельствах.

Автор изображает тип естественного человека, близкого к земле, живущего по законам народной этики, с присущими ему высокими моральными устоями, при этом порой допускающего ошибки, однако способного на раскаяние. Виряз, Элюва воплощают тип труженика, самореализующегося в созидательном труде и заинтересованного в его результатах. Труд на земле становится частью их самих, обуславливает образ жизни и мысли, манеру поведения, общения, бытоустройство. Антиподом образа труженика в повести воспринимается тип духовно опустошённого деградировавшего маргинала, потерявшего связь с землёй, отчим домом.

Е. Четвергову удалось на малом пространстве, на судьбах двух героев проследить судьбу российского крестьянства начала 1930-х годов, придать произведению большую художественную силу и эмоционально-трагическое звучание.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 260 с.
2. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX – XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 184 с.
3. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Образы князей в мордовской литературе: социокультурный аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 202–210. URL: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/vestnik-nii-gumanitarnyix-nauk-pri-pravitelstve-rm/vsepotera/2016/> (дата обращения: 20.10.2018).
4. Большакова А. Ю. Русская деревенская проза в новом осмыслении // Литературная учёба. 2011. № 4. С. 45–47.
5. Жиндеева Е. А., Водясова Л. П. Авторская стратегия изображения исторической личности в мордовской прозе (на материале повести М. И. Брыжинского «Ради братьев своих») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 1. С. 27–29. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/6.html> (дата обращения: 19.10.2018).
6. Косинцева Е. В. Историческая тема в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35122673_14987466.pdf (дата обращения: 17.10.2018).
7. Малыхин К. Г. «Великий перелом» начала 1930-х гг. в СССР и российская социалдемократия: оценки и прогнозы // Новое прошлое. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-perelom-nachala-1930-h-gg-v-sssr-i-rossiyskaya-sotsialdemokratiya-otsenki-i-prognozu> (дата обращения: 19.10.2018).
8. Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 156 с.
9. Надькин Т. Д., Костин А. А. Крестьянское сопротивление политике коллективизации и раскулачиванию на территории Мордовии (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Социально-политические науки. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskoe-soprotivlenie-politike-kollektivizatsii-i-raskulachivaniyu-na-territorii-mordovii-konets-1920-h-nachalo-1930-h-gg> (дата обращения: 16.04.2018)

10. Новожеева И. В. Концепция человека в деревенской прозе 1960–80-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-cheloveka-v-derevenskoj-proze-1960-80-h-gg> (дата обращения: 15.04.2018).
11. Подшивалова Е. А. Типология героев и жанровые модели в романе Д. П. Бор-Раменского «Раме-нь» // Вестник Удмуртского университета, серия «История и филология». 2013. № 4. С. 157–162. URL: http://ru.history.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_13_054_24.pdf (дата обращения: 22.10.2018).
12. Сосновский В. Т. Тема коллективизации в повести «Друг мой Момич» К. Д. Воробьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-kollektivizatsii-v-povesti-drug-moy-momich-k-d-vorobyova> (дата обращения: 23.10.2018).
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
14. Четвергов Е. Ламбамо нартемкс = Сладкая полынь // Четвергов Е. Янгамо = Разруха. Саранск: [б.и.], 2006. С. 6–132.
15. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.
16. Akhmetzyanova G.A., Zakirzyanov A. M., Motigullina A. R., Sheyanova S. V. Presentation of historical personalities in modern Tatar literature (on the basis of R. Zaidulia's plays) // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication TOJDAC. April 2017 Special Edition. Pp. 1009–1016. URL: http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE219_1.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
17. Esteve C. Theories of historical prose in early modern // *Discursos de ruptura y renovacion: la formacion de la prosa aurea*, 2014. Vol. 120–121. Pp. 117–136. DOI: 10.4000/criticon.807. URL: <https://journals.openedition.org/criticon/807> (дата обращения: 29.10.2018).
18. Hajek I. Time of people, time of history – notes on the development of Czech historical prose 1966–1986 // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50, Issue 3. Pp. 730–731. DOI: 10.2307/2499910. URL: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=11&SID=D6lnUJn9HWsoJZ7xVID&page=5&doc=45 (дата обращения: 02.11.2018).
19. Hyde E. The Search for the Man in the Iron Mask: a Historical Detective Story // *The American Historical Review*. 2018. Vol. 123, Issue 2. Pp. 643 – 645. DOI: 10.1093/ahr/123.2.643. URL: <https://academic.oup.com/ahr/article-abstract/123/2/643/4958328?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 27.10.2018).
20. Krolakova J. Historical genre in Slovak prose // *Ceska literature*. 2011. Vol. 59. Issue 3. Pp. 462 – 466. URL: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=11&SID=D6lnUJn9HWsoJZ7xVID&page=2&doc=18 (дата обращения: 29.10.2018).

References

1. Antonov Yu. G. *Zarozhdenie i puti razvitiya mordovskoj dramaturgii* [The origin and ways of development of Mordovian dramaturgy]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
2. Antonov Yu. G., Levina N. N., Sheyanova S. V. *Mordovskaya literatura rubezha XX–XXI vv.: poiski nacional'noj identichnosti* [Mordovian literature at the turn of the XX–XXI centuries: the search of national identity]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 184 p. (In Russian)
3. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Obrazy knyazej v mordovskoj literature: sociokul'turnyj aspekt* [Images of the princes in the Mordovian literature: sociocultural aspect]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin Scientific Research Institutes of Humanities at the Government of the Republic of Mordovia], 2016, no. 4 (40), pp. 202–210. Available at: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/vestnik-nii-gumanitarnyix-nauk-pri-pravitelstve-rm/vse-nomera/2013/> (accessed October 20, 2018). (In Russian)
4. Bolshakova A. Yu. *Russkaya derevenskaya proza v novom osmyslenii* [Russian village prose in new comprehension]. *Literaturnaya ucheba* [Literary studies], 2011, no. 4, pp. 45–47. (In Russian)
5. Zhindeeva E. A., Vodyasova L. P. *Avtorskaya strategiya izobrazheniya istoricheskoy lichnosti v mordovskoj proze (na materiale povesti M. I. Bryzhinskogo «Radi bratij svoih»)* [Author's strategy of depiction of a historical person in Mordovian prose (on the material of the story by M. I. Bryzhinsky «For the sake of the brothers»)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 6 (1), pp. 27–29. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/6.html> (accessed October 19, 2018). (In Russian)

6. Kosintseva E. V. *Istoricheskaya tema v proze R. P. Rugina* [The historical theme in the prose of R. P. Rugin]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric studies], 2018, no. 8 (2). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_35122673_14987466.pdf (accessed October 17, 2018). (In Russian)

7. Malykhin K. G. «*Velikiy perelom*» nachala 1930-h gg. v SSSR i rossiyskaya socialdemokratiya: ochenki i prognozy [The «Great Fracture» of the early 1930s in the USSR and the Russian social democracy: estimates and prognosis]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2017, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-perelom-nachala-1930-h-gg-v-sssr-i-rossiyskaya-sotsialdemokratiya-otsenki-i-prognozy> (accessed October 19, 2018). (In Russian)

8. Morozova N. M. *Lishenie izbiratelnyh prav na territorii Mordovii v 1918–1936 gg.* [Deprivation of voting rights in the territory of Mordovia in 1918–1936]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2009. 156 p. (In Russian)

9. Nadkin T. D., Kostin A. A. *Krestyanskoe soprotivlenie politike kollektivizatsii i raskulachivaniyu na territorii Mordovii (konets 1920-h – nachalo 1930-h gg.)* [Peasant resistance to the policy of collectivization and dispossession of kulaks in the territory of Mordovia (late 1920s – early 1930s)]. *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-political science], 2011, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskoe-soprotivlenie-politike-kollektivizatsii-i-raskulachivaniyu-na-territorii-mordovii-konets-1920-h-nachalo-1930-h-gg> (accessed April 16, 2018). (In Russian)

10. Novozheeva I. V. *Koncepciya cheloveka v derevenskoy proze 1960–80-h gg.* [Conception of a man in the village prose of 1960–80]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2007, no. 31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-cheloveka-v-derevenskoy-proze-1960-80-h-gg> (accessed April 15, 2018). (In Russian)

11. Podshivalova E. A. *Tipologiya geroev i zhanrovye modeli v romane D. P. Bor-Ramenskogo «Ramene»* [Typology of heroes and genre models in the novel by D. P. Bor-Ramensky «Ramene»]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2013, no. 4, pp. 157–162. Available at: http://ru.history.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_13_054_24.pdf (accessed October 22, 2018). (In Russian)

12. Sosnovskiy V. T. *Tema kollektivizatsii v povesti «Drug moy Momich» K. D. Vorob'yeva* [The theme of collectivization in the story «My friend Momich» by K. D. Vorobyov]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygeya State University, Series 2: Literature and Art Criticism], 2010, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-kollektivizatsii-v-povesti-drug-moy-momich-k-d-vorobyova> (accessed October 23, 2018). (In Russian)

13. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of the mythopoetic]. Moscow: Progress – Kultura Publ., 1995. 624 p. (In Russian)

14. Chetvergov E. *Lambamo nartemks* [Sweet Wormwood]. *Yangamo* [Destruction]. Saransk: [w/p], 2006. pp. 6–132. (In Erzya)

15. Sheyanova S. V. *Sovremennyy mordovskiy roman: problematika, poetika* [The modern Mordovian novel: problematics, poetics]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2013. 284 p. (In Russian)

16. Akhmetzyanova G. A., Zakirzyanov A. M., Motigullina A. R., Sheyanova S. V. Presentation of historical personalities in modern Tatar literature (on the basis of R. Zaidulia's plays). *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. TOJDAC*, 2017, pp. 1009–1016. Available at: http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE219_1.pdf (accessed October 10, 2018). (In English)

17. Esteve C. Theories of historical prose in early modern. *Discursos de ruptura y renovacion: la formacion de la prosa aurea*, 2014, no. 120–121, pp. 117–136. DOI: 10.4000/criticon.807. Available at: <https://journals.openedition.org/criticon/807> (accessed October 29, 2018). (In English)

18. Hajek I. Time of people, time of history – notes on the development of Czech historical prose 1966–1986. *Slavic Review*, 1991, no. 50 (3), pp. 730–731. DOI: 10.2307/2499910. Available at: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=11&SID=D6lnUJn9HWsoJZ7xVID&page=5&doc=45 (accessed November 02, 2018). (In English)

19. Hyde E. The Search for the Man in the Iron Mask: a Historical Detective Story. *The American Historical Review*, 2018, no. 123 (2), pp. 643–645. DOI: 10.1093/ahr/123.2.643. Available at: <https://academic.oup.com/ahr/article-abstract/123/2/643/4958328?redirectedFrom=fulltext> (accessed October 27, 2018). (In English)

20. Krolakova J. Historical genre in Slovak prose. *Ceska literatura*, 2011, no. 59 (3), pp. 462–466. Available at: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=11&SID=D6lnUJn9HWsoJZ7xVID&page=2&doc=18 (accessed October 29, 2018). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68); доктор филологических наук, доцент.

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru

Закирзянов Альфат Магсумзянович, заведующий отделом литературоведения, Государственное учреждение «Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова» Академии наук Республики Татарстан (420011, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, 12); доктор филологических наук, доцент.

ORCID ID: 0000-0002-8501-852X

Alfat_zak@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich, Head of the Literary Studies Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420011, Russian Federation, the Republic of Tatarstan, Kazan, Karl Marks st., 12), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

ORCID ID: 0000-0002-8501-852X

Alfat_zak@mail.ru